

КОНЦЕПЦИЯ АЛЕКСЕЯ ТОЛОЧКО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ ПРАВДЫ РУССКОЙ*

Анна Жуковская

Национальный центр научных исследований,
Париж, Франция

OLEKSIY TOLOCHKO'S CONCEPT AND THE ORIGIN OF THE SHORT *PRAVDA RUSSKAIA*

Anna Joukovskaia

The French National Centre for Scientific Research,
Paris, France

A wide circle of historians, lawyers, and secondary school teachers are interested in the *Pravda Russkaia*. This review analyses the historiographical situation around the study of this important artefact after the publication of *The Short Pravda: The Origin of the Text* (2009) by Oleksiy Tolochko, in which the author develops the opinion that the *Short Pravda* appeared later than the *Expanded Pravda*, which was expressed by prominent linguists and historians (E. F. Karskii, S. P. Obnorskii, A. I. Sobolevskii, etc.) in the first half of the twentieth century but later discarded by Soviet scholarship. By combining various methods from source studies, the author proves that the *Short Pravda* did not originate as a legal document in the eleventh century, but as a fragment of *The Chronicle of Novgorod* in the early fifteenth century. The review shows that specialists' responses to Tolochko's book are limited to a few journal publications, each of which criticises one or two of separate arguments but does not systematically consider the proposed holistic theory of the artefact's origin (articles by K. Zukerman, P. V. Lukin, A. A. Gorskii, A. Y. Degtyarev, etc.). Any attempt at summarising the results of the controversy leads to the belief that the discussion is methodologically unsound. The analysis of an article from

* Citation: Joukovskaia, A. (2021). Oleksiy Tolochko's Concept and the Origin of the Short *Pravda Russkaia*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1097–1114 DOI 10.15826/qr.2021.3.629.

Цитирование: Joukovskaia A. Oleksiy Tolochko's Concept and the Origin of the Short *Pravda Russkaia* // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1097–1114. DOI 10.15826/qr.2021.3.629 / Жуковская А. Концепция Алексея Толочко и проблема происхождения краткой редакции *Правды русской* // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1097–1114. DOI 10.15826/qr.2021.3.629.

the *Pravda* that is taken out of context can lead to opposing interpretations depending on the choice of the parameters preferred by a given author at a given time. Considering the fundamental nature of the *Pravda Russkaia* for the history of medieval Russia, the reviewer concludes that it is necessary to make an effort (probably a collective effort) towards a systematic analysis of Tolochko's hypothesis: the traditional isolated study of this most important legal document should be placed within the broader framework of a comprehensive study of the collections in which the short and expanded versions of the *Pravda* have been preserved.

Keywords: *Pravda Russkaia, Short Pravda, Expanded Pravda, medieval Russia, Oleksiy Tolochko, Novgorod First Chronicle*

Источниковедческий статус Правды русской (русской) интересует широкий круг историков и юристов, а также преподавателей средних учебных заведений. В обзоре анализируется историографическая ситуация, сложившаяся вокруг изучения этого важнейшего памятника после выхода в 2009 г. монографии А. П. Толочко «Краткая редакция Правды русской: происхождение текста», в которой автор развивает мнение о вторичности Краткой редакции по сравнению с Пространной, высказывавшееся в первой половине XX в. видными лингвистами и историками (Е. Ф. Карским, С. П. Обнорским, А. И. Соболевским и др.) и позже отброшенное советской наукой. Сочетая различные методы источниковедения, автор доказывает, что краткая Правда возникла не как юридический документ в XI в., а как фрагмент новгородского летописания в начале XV столетия. В обзоре показано, что отклики специалистов на книгу А. П. Толочко сводятся к немногочисленным коротким журнальным публикациям, в каждой из которых подвергаются критике один или два отдельно взятых аргумента автора, но не предпринимается систематического рассмотрения предложенной целостной теории возникновения памятника (статьи К. Цукермана, П. В. Лукина, А. А. Горского, А. Я. Дегтярева и др.). Попытка подвести итоги этой многолетней дискуссии приводит к убеждению о ее методологической несостоятельности. Результаты анализа вырванной из контекста той или иной статьи Правды оказывается возможным интерпретировать в противоположных смыслах в зависимости от выбора источниковедческих параметров, которым данный автор отдает предпочтение в данный момент. Учитывая структурообразующий характер Правды русской для истории Древней Руси, автор обзора делает вывод о необходимости предпринять усилия (которые, вероятно, должны быть коллективными) для системного анализа гипотезы А. П. Толочко, причем предлагается поместить традиционное изолированное изучение этого важнейшего юридического памятника в более широкие рамки всестороннего исследования сборников, в составе которых сохранились Краткая и Пространная редакции.

Ключевые слова: Правда русская, Краткая редакция, Пространная редакция, Древняя Русь, А. П. Толочко, Новгородская первая летопись

В предисловии к книге А. А. Зимина «Правда русская», опубликованной посмертно в 1999 г., В. Л. Янин писал: «Вполне очевидно, что после приведения в порядок всей системы знаний о Русской правде, накопленных за 250 лет ее изучения, – а книга А. А. Зимина и демонстрирует этот порядок, – его исследование становится мощным импульсом нового обращения к разработанной им теме. Находить в грядущих поколениях новых исследователей любимого предмета – мечта и награда любого ученого» [цит. по: Зимин, с. 6].

Оптимистическое предсказание В. Л. Янина сбылось лишь наполовину. Десять лет спустя появилась монография А. П. Толочко, посвященная истории возникновения Краткой редакции Правды русской (далее – КрП)¹. Эта книга является одним из значительных событий в историографии древнерусского права, и можно не сомневаться, что уж кто-кто, а такой глубокий знаток темы, как А. А. Зимин, оценил бы оригинальность и основательность подхода А. П. Толочко даже в том случае, если и не согласился бы с его выводами. Но увы, Зимина с нами давно уже нет, и приветствовать нового исследователя этого важнейшего источника по истории Древней Руси оказалось некому: на книгу А. П. Толочко не было опубликовано ни одной рецензии, даже отрицательной.

Сегодня, по прошествии более чем 11 лет после выхода книги, кажется небесполезным оценить ее влияние на историографию. Кратко напомним содержание монографии. Используя вполне традиционные и общепотребительные методы источниковедения, автор стремится всесторонне обосновать точку зрения, согласно которой КрП возникла не как юридический документ в XI в., а как фрагмент новгородского летописания начала XV столетия. Аргументация разрабатывается им в трех основных направлениях. Во-первых, историк показал уязвимость традиционного взгляда, согласно которому КрП могла просуществовать как памятник письменности в течение четырех столетий, не оставив по себе за этот период времени ни одного следа. Во-вторых, ученый напомнил об особенностях эволюции новгородского летописания, благодаря которым включение в летописи «посторонних материалов» становилось в начале XV в. нормальным приемом работы летописцев. Зная из древнейших летописей о существовании некой «Ярославлей грамоты», когда-то дарованной Новгороду, летописцы пожелали связать это упоминание с конкретным документом: создатель Софийской первой летописи разместил в своем своде текст Пространной редакции Правды русской (ПрП), а создатель Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛмл) – текст Краткой редакции, каковым образом эта летопись и стала первым и единственным памятником, в котором обнаруживается данный документ. И, наконец, в-третьих, читателю был предложен эксперимент по реконструкции метода работы создателя НПЛмл на основе доступных летописцу материалов. А. П. Толочко поставил целью понять, из чего и как могла

¹ Написание *русская* – привнесенная историками модернизация, по аналогии с позднейшим *Россия*. В древнейших рукописях читается *руская*, от этнонимов *русы*, *русь*.

быть сделана КрП, и пришел к выводу, что в основе ее лежали тексты ПрП и Закона судного людем (ЗСЛ), помещенные в новгородской Синодальной кормчей, а методом работы летописца был более или менее механический выбор статей (его внимание привлекали в основном первые и последние статьи на страницах ПрП) и их сокращенный пересказ. Таким образом, КрП «создавалась в расчете на летопись и никогда вне летописи не существовала» [Толочко, 2009, с. 110].

Нельзя не признать, что на сегодняшний день вокруг книги создавалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, результаты исследования, пусть и с некоторым запозданием, зарегистрированы научным сообществом, ибо стандартно цитируются в справочных библиографиях². С другой, цитирование иногда сопровождается оговоркой о том, что эти результаты, по выражению А. И. Филюшкина, «на сегодняшний день не приняты исследователями Древней Руси» [Филюшкин, с. 92]. Между тем, отклики на книгу А. П. Толочко в печати сводятся к немногочисленным и довольно коротким журнальным статьям, большая часть которых, как мы увидим ниже, уклоняется от систематического рассмотрения аргументов автора до такой степени, что, по признанию того же А. И. Филюшкина, поставленные А. П. Толочко проблемы еще только предстоит подвергнуть «широкому и глубокому обсуждению», которого «они заслуживают» [Филюшкин, с. 92]. Остается предположить, что неприятие новой теории основывается на невысказанных мнениях и кулуарном общении между посвященными. Однако источниковедческий статус Правды русской интересует не только специалистов, но и широкий круг историков, юристов, а также преподавателей средних учебных заведений, которые далеко не всегда имеют доступ к неформальному общению с медиэвистами и ограничиваются чтением их печатных работ. Ниже я рассматриваю (в порядке публикации) наиболее развернутые реакции на книгу А. П. Толочко в попытке определить, насколько они помогают мне – историку, не являющемуся специалистом по Древней Руси, – сформировать собственное отношение к ее главным положениям³.

Сломанное копье

Идею позднего происхождения КрП поддержал лишь один историк, Константин Цукерман, в статье, написанной «по следам Алексея Толочко» [Цукерман]. Однако и он не согласился с главным положением последнего о создании КрП на основе ПрП для целей летописания.

² Так, в Википедии (статья «Русская правда») глухая библиографическая ссылка на книгу появилась в апреле 2013 г., а изложение мнения А. П. Толочко о происхождении КрП – в феврале 2016 г.

³ По причине закрытия библиотек в период эпидемии мне осталась недоступна статья С. В. Цыб [Цыб]. Я не буду специально останавливаться на статье Н. Н. Омонова [Омонов], которая сводится, по сути, к сжатою обзору литературы, поскольку автор не приводит новых фактов или развернутой аргументации, но лишь солидаризируется с теми или иными историками по тем или иным аспектам темы.

К. Цукерман предложил собственную теорию возникновения этого памятника как «мнемотекста»: «Писец изначального текста КрП не переписывал его, а записывал, под диктовку или под самодиктовку, но без возможности сверки с письменным оригиналом. <...> КрП возникла как запись бытовавших в устной передаче правовых норм, сделанная, вероятно, клириком со слов законоговорителя» [Цукерман, с. 150–152].

Отсылая читателя к проделанному А. П. Толочко подробному разбору этой гипотезы [Толочко, 2014], остановимся на другой части исследования К. Цукермана, где утверждается, что «поздний новгородский летописец именно нашел и вставил в свою летопись текст КрП, а не составил его сам» [Цукерман, с. 123]. Аргументация автора основывается на анализе текстуальной связи ст. 18 КрП (так называемой статьи о копье) с «той устойчивой юридической компиляцией, в основе которой лежат ЗСЛ и ПрП» [Там же]. К. Цукерман реконструирует следующую цепь событий. В Новгороде в первой половине XIV в. возникает протограф Пространной редакции ЗСЛ в соединении с Пушкинской редакцией ПрП. Его внимательный создатель, в распоряжении которого имеется «некий список» КрП, замечает, что в изготовленном им сборнике нет нормы, соответствующей ст. 18 КрП, и заимствует ее. В центре аргументации лежит выяснение направления заимствования статьи о копье (из КрП в юридический сборник или наоборот). Основываясь на собственной интерпретации смысла статьи о копье, К. Цукерман утверждает, что версия, читаемая в юридическом сборнике, «являет собой неудачный пересказ ст. 18 КрП» [Там же, с. 127]. В итоге, заключает автор, данная статья – единственное доказательство «независимого существования Краткой правды вне НПЛмл», и оно позволяет утверждать, что КрП была записана не позднее первой половины XIV в. [Там же, с. 123–128].

Несколько странным выглядит то, что К. Цукерман, перечисляя историков, имевших противоположное его собственному мнение о соотношении КрП и ЗСЛ, почему-то игнорирует специально посвященный этому вопросу параграф монографии А. П. Толочко, в котором рассматривается не только статья о копье, но и ряд других общих положений КрП и ЗСЛ [Толочко, 2009, с. 72–76]. Со своей стороны А. П. Толочко в вышеупомянутом ответе на статью К. Цукермана никак не прокомментировал версию коллеги [Толочко, 2014]. Нельзя не признать, что моя попытка самостоятельно разобраться в этой проблеме, решение которой имеет принципиальное значение для оценки теории А. П. Толочко, осталась безуспешной. Как «стороннему наблюдателю» мне лишь стало ясно, что метод сопоставления вариантов какой-либо отдельной статьи Правды в целях выяснения направления заимствования дает противоречивые результаты, если применяется без учета состава сборников в целом. К сожалению, как мы увидим ниже, именно комментирование вырванных из контекста статей является основным методом исследования в работах, эксплицитно или имплицитно полемизирующих с теорией А. П. Толочко.

Коровья татьба, или Откуда взялся огнищанин?

В том же 2014 г. появилась короткая статья П. В. Лукина, главная задача которой заключается в опровержении центрального тезиса А. П. Толочко о том, что темные места КрП «можно объяснить как неудачное сокращение более пространного и удобочитаемого текста ПрП» [Толочко, 2009, с. 91]. В центре статьи лежит анализ одного из хорошо известных темных мест КрП, гласящего: «Аже убють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место» (ст. 21) [Лукин, 2014, с. 124].

Историков издавна смущала тавтологичность выражения «у говяда или у коровьей татьбы», вследствие чего утвердилось мнение о первичности чтения ПрП «у которой», а не «у коровьей» татьбы, поддержанное и А. П. Толочко. П. В. Лукин стремится доказать, что никакой тавтологии тут нет, ибо под *говядом* понимался самец (бык или вол), а под коровой – самка, что раздельное упоминание самцов и самок одного вида характерно и для других статей КрП, а также для иных памятников древнего (и не только русского) права, и что, таким образом, данный аргумент в пользу вторичности КрП снимается [Там же, с. 128–130]. Если предположить, что П. В. Лукин прав относительно смысла слова *говядо*, сразу возникает вопрос, почему ст. 21 КрП упоминает только коня, оставляя без внимания кобылу? Тавтология исчезает, но возникает непоследовательность.

Далее П. В. Лукин справедливо замечает, что А. П. Толочко не объяснил, каким образом (если КрП является сокращением ПрП) в ст. 21 КрП возник огнищанин, раз он не фигурирует не только в ст. 40 ПрП, но и вообще упоминается в ПрП единожды по поводу «муки», а не убийства. Позволяет ли гипотеза о возникновении КрП путем переработки ПрП ответить на этот резонный вопрос? П. В. Лукин полагает, что не позволяет, но его возражения в данном случае исчерпываются риторикой («крайне нелогично», «искусственно» и т. д.). Так, автор довольствуется замечанием, что «большая древность чтения “огнищанина” (ст. 21 КрП) по сравнению с абстрактным “кого” (ст. 40 ПрП) вполне очевидна» [Там же, с. 125]. Лично мне не кажется столь уж очевидным, чтобы редактор ПрП (если он работал на основе КрП) широким жестом распространил норму, созданную для огнищанина (члена ближайшего окружения князя), на лица любых статусов. Напротив, если редактор КрП пользовался текстом ПрП, он мог, заимствуя статью об убийстве *княжа мужа*, заменить это словосочетание словом *огнищанин* для создания эффекта архаичности.

Следует обратить внимание, что ст. 40 ПрП покрывает любые кражи в любом месте, будь то на дворе («у клети») или вне двора («у которые татьбы»). Напротив, ст. 21 КрП покрывает только кражи чего угодно на дворе («у клети») и кражи крупного скота (но не других вещей) в любом месте. Иными словами, если у кого-то на дороге украли коня, он имеет право убить вора, а если телегу, то нет. Ту же странность видим в ст. 38 КрП, действие которой вообще ограничено «своим дво-

ром». По этой статье, нельзя убить вора, укравшего что-то не только в поле или на дороге, но и на чужом дворе. Если вы находитесь в гостях и вдруг видите, как, например, из стойла крадут вашего коня, вы не имеете права убить вора и вынуждены просить хозяина двора возглавить операцию. Если КрП – первоначальный закон, то формулировки ст. 21 и 38 приходится признать крайне несовершенными, в отличие от логичной и исчерпывающей формулировки ст. 40 ПрП. В целом, вопреки категорическому утверждению П. В. Лукина, непредвзятый читатель способен представить себе, каким образом набор судебных казусов ст. 21 КрП (а также ст. 38 КрП) мог возникнуть из ст. 40 ПрП. Напротив, гипотеза первичности КрП требует объяснения непоследовательности и выборочного характера ст. 21 и 38.

Как видим, П. В. Лукин, обвиняя А. П. Толочко в интерпретации темных мест Правды «*pro domo sua*», и сам не удерживается от этого искушения [Лукин, 2014, с. 123]. Данная статья – типичный пример критики *à charge*, когда критик играет роль оппонента, ограничиваясь тем, чтобы ставить вопросы, но не давая себе труда доказать, что на них не имеется удовлетворительных ответов *в рамках критикуемой теории*. Такая критика целесообразна лишь в специфических обстоятельствах – во время защиты диссертации, например, когда жюри нужно проверить способность экзаменуемого вести дискуссию. В остальных случаях читатель ждет не оппонирования, а исследования. Как однажды справедливо заметил сам П. В. Лукин, исследователь «обязан» рассмотреть не только выгодные, но и невыгодные для своей концепции аргументы, «иначе все его построения не будут иметь ни малейшей ценности» [Лукин, 2008, с. 421]. Нельзя не согласиться, что это методологическая установка высочайшей пробы. Однако кажется несправедливым требовать ее соблюдения только от других.

Тысячелетие русского законодательства

На основании летописной датировки КрП 1016 годом 2016 г. был объявлен тысячелетним юбилеем письменного законодательства на Руси, что вызвало всплеск публикаций, посвященных Правде русской. Но и в этих обстоятельствах отзывы на книгу А. П. Толочко оказались крайне немногочисленными. Хорошим индикатором болезненного отношения научного сообщества к этой монографии, которую специалистам невозможно игнорировать, но очень не хочется обстоятельно обсуждать, служат сборник «Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права», подготовленный издательством «Президентская библиотека» (СПб., 2017), и 17-й том журнала «Исторический вестник» (2016). Из 22 статей, посвященных Правде русской в этих изданиях, только в трех теория вторичности КрП подвергается обсуждению, и то предельно кратко. Так, В. Я. Петрухин отмечает «гиперкритицизм» А. П. Толочко на основании анализа единственной (первой) статьи КрП, содержащей «перечисление рангов русской

дружины, которое невозможно вывести из позднейших правовых текстов» [Петрухин, с. 40]. А. В. Канаев берется защищать честь древнерусской экономики, интерпретировав в обратном смысле фразу А. П. Толочко о том, что «общество, реконструируемое на основании такого закона (КрП), настолько рудиментарно, что не вяжется с представлениями о Руси XI в.» [Канаев; Толочко, 2009, с. 16]. Наконец, А. Я. Дегтярев поддерживает мнение А. П. Толочко о вторичности КрП относительно ПрП (кажется, это единственный случай среди российских историков не только в указанных сборниках, но и в печати в целом⁴). На этой статье стоит остановиться подробнее, поскольку она ярко демонстрирует особенности популярного метода изучения Правды при помощи установления параллелей между ее положениями и летописными событиями, ценность которого А. П. Толочко ставит под сомнение [Дегтярев, 2016; Дегтярев, 2017].

КрП – закон о чрезвычайном положении

Версия происхождения КрП, сформулированная А. Я. Дегтяревым, настолько отличается от идеи о создании этого текста для летописных целей редактором НПЛмл, что формальное согласие с А. П. Толочко выражает, по сути, радикальное расхождение во мнениях. При этом методы работы обоих авторов столь различны, что дискуссия между ними невозможна, несмотря на то что А. Я. Дегтярев (опять-таки едва ли не единственный из ученых старшего поколения) в принципе благожелательно относится к появлению новой теории.

Связав создание КрП с бунтом киевлян против кн. Изяслава в 1068 г., А. Я. Дегтярев высказал следующую гипотезу:

Краткая Правда сложилась в драматический момент русской истории. Она должна была защитить не только знать, но и всех киевлян от разбоя и мародерства. Разъяснять в тех условиях Пространную правду, выбирать из нее статьи, связанные с ситуацией, было делом безнадежным. «Выжимка» уголовных статей, о которой должны были возвещать на каждом углу и устраивать по ней скорый суд, – в этом был смысл создания документа. Фактически это был закон о чрезвычайном положении [Дегтярев, 2016, с. 121].

Если верить автору, киевское общество обладало настолько продвинутым правовым сознанием, что рассчитывало подавить мятеж законодательными мерами – уникальный случай в истории Средневековья. При всем своем остроумии сближение КрП с киевскими событиями 1068 г. вступает в соперничество с другими давно предложенными датировками, основанными на том же самом методе чтения между строк, когда те или иные свидетельства летописи произвольно соотносятся с текстом Правды. Кроме того, если КрП возникла в 1068 г. как «вы-

⁴ Если не считать доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Томсинова, который энергично пропагандирует аргументы А. П. Толочко, не называя его имени [Томсинов].

жимка» из ПрП, то последняя автоматически удревняется до неизвестной даты. Поразительно, но историк никак не комментирует создаваемую его гипотезой проблему передатировки ПрП.

Компенсируя эти недостатки, гипотеза А. Я. Дегтярева позволяет экономно (на двух страницах!) решить ряд вопросов, «загнавших в тупик поколения ученых». Во-первых, она объясняет отсутствие свидетельств существования КрП вне НПЛмл – но не тем, что КрП возникла в XV в., как полагает А. П. Толочко, а тем, что она оказалась не нужна вскоре после своего возникновения:

Для ставшего киевским князем Всеслава это был абсолютно неприемлемый политический документ его врагов. Через какое-то время, утихомирившись, киевляне стали жить и судить по обстоятельной Пространной правде. <...> Ее (КрП. – А. Ж.) участие в реальной жизни если и было, тот составило всего несколько дней. Поэтому скромное, если не сказать меньше, присутствие КрП в древнерусских памятниках становится вполне понятным и объяснимым [Дегтярев, 2016, с. 121–122].

Во-вторых, указанная гипотеза позволяет понять, по какой причине текст КрП настолько темен и полон дефектных чтений, а также объяснить его таинственную денежную систему, удивившую еще В. О. Ключевского:

Пытаясь остановить пожар киевского восстания, вышеперечисленная киевская знать именно в эти бурные дни и создала КрП. Все делалось в спешке. Отсюда и многие грамматические и смысловые несообразности в ряде статей... [В Киеве в 1068 г.] был нервный и быстротекущий процесс определения штрафов за наказания составителями КрП. Отсюда несообразности, ошибки, резаны вместо кун и гигантские изумлявшие М. Н. Тихомирова гонорары вирникам [Дегтярев, 2016, с. 121].

Иными словами, по мнению автора, киевская городская элита ополумела от страха до такой степени, что разучилась писать и считать и вообще оказалась не в состоянии внятно изъясняться перед народом. После таких объяснений кажется несколько неожиданной заключительная фраза статьи о том, что все разновидности и редакции Правды, включая КрП, это «выдающийся памятник отечественной истории» [Дегтярев, 2016, с. 127].

О юридической образованности волхвов

Еще несколько авторов юбилейных публикаций вступили в имплицитную полемику с отдельными положениями книги А. П. Толочко, не называя ее. Наиболее интересна статья А. А. Горского о Яне Вышатиче, где делается попытка оспорить утверждение, что о существовании КрП не сохранилось никаких сведений ранее XV в. [Горский, 2016а].

А. А. Горский присоединился к давно высказанному мнению о том, что летописный эпизод казни волхвов Янем Вышатичем содержит «прямые ссылки» на две статьи КрП, 1-ю и 33-ю. Представляется, однако, что применение кровной мести персонажами летописи не является достаточным доказательством их знакомства с КрП, поскольку кровная месть, по общему мнению историков, входила в состав не только княжего, но и обычного права. Кроме того, можно ли считать описанную в летописи месть за матерей, сестер и дочерей «прямой ссылкой» на ст. 1 КрП, где определен не только перечень законных мстителей, но и перечень законных объектов мщения, состоящий исключительно из мужчин: брат, отец, сын, племянник, дядя? Это не ссылка, а в лучшем случае широкое толкование закона.

Что касается ст. 33, то она действительно выглядит как княжеское распоряжение: «или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны» [Правда русская, с. 80]. Поэтому в принципе допустимо предположение, что адресованные Яню слова волхвов «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать» являются намеком (но уж никак не «прямой ссылкой») на статью КрП. Согласиться с этим, однако, означало бы признать, что летописец в данном эпизоде точно воспроизводит реально произошедшие события. Упоминание Яня Вышатича, с которым Сильвестр был знаком лично, располагает к доверию. Тем не менее, метод прочтения летописи как *протокола* быстро достигает в этом случае своего логического предела. Если волхвы имели в виду Правду «егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав», то почему они сослались не на князей, а на своего бога («Нама бози повѣдаютъ, не можеша нама створити ничтоже») [ПВЛ, с. 75–77]? Или почему не допустить, что уверенность ярославльских волхвов 1071 г. в их исключительной подсудности князю происходила не из знакомства их с текстом Правды, а из памяти об аналогичном эпизоде 1024 г., когда суздальских волхвов «расточа и показни» лично Ярослав [Там же, с. 64–65]? В отсутствие *прямых* ссылок отражение юридического нововведения в одном из целой серии эпизодов, смысловая нагрузка которых заключается, с точки зрения летописца, в предостережении христиан от гибели через «бесовское наущение», выглядит не совсем невозможной, но довольно хрупкой гипотезой.

Еще раз о «смердыхолопе»

Все в том же юбилейном 2016 г. А. А. Горский опубликовал статью, посвященную, как и вышеупомянутая работа П. В. Лукина, еще одному княжескому установлению, по-разному передаваемому в КрП и ПрП [Горский, 2016b]. Хотя автор, решительно придерживаясь традиционного мнения о вторичности ПрП относительно КрП, не ставит свое исследование в какую-либо связь с теорией А. П. Толочко и даже не упоминает ее, рассмотрение этой работы

в данном контексте оказывается полезным. Прежде чем обратиться к выводам А. А. Горского, необходимо напомнить историографический контекст.

Одна из важных для древнерусской истории норм княжеского законодательства, касающаяся величины денежного взыскания за убийство лиц различных социальных категорий, получила разные формулировки под пером переписчиков дошедших до нашего времени двух списков КрП и многочисленных списков ПрП (соответственно, ст. 26 и ст. 16 по академическому изданию). В XIX – начале XX в., пока в историографии не возобладало мнение о вторичности ПрП по отношению к КрП, ученые спорили о том, какой из списков наиболее точно воспроизводит изначальную формулировку и как ее следует читать, а именно – как разделить ее на слова. В одних списках читалось «азасмердѣихолоп5гривен» (*ии* передавалось также как *ѣи*, *еи*, *ѣи*), что членили «а за смердѣи холоп» и интерпретировали как *смердѣи холоп*, то есть холоп, принадлежащий смерду. В других списках то же самое место выглядело как «азасмердѣихолоп», его членили «а за смердѣ и холоп» и понимали как упоминание двух статусов. Наконец, в третьей группе списков читается «авъсмердѣивъхолопе» (а также *ѣи* вместо *ѣи*), что позволяло два членения на слова и, соответственно, обе вышеназванных интерпретации: «а въ смердѣи въ холопе» (холоп, принадлежащий смерду) и «а въ смердѣ и въ холопе» (смердѣ и холоп). Противники мнения о том, что исходным чтением является «за смерда и за холопа 5 гривен», доказывали, что для древнерусского периода нехарактерно уравнивание прав свободного и холопа. Противники чтения «смердѣи холоп» настаивали, что в данном фрагменте Правды, преимущественно посвященном защите княжеского имущества, не могла идти речь о холопе, принадлежащем смерду.

После того как первичность КрП сделалась не просто мнением большинства, но и официальной доктриной советской исторической науки, описанная ситуация упростилась и усложнилась одновременно. С одной стороны, сомневаться в первичности КрП стало небезопасно, что устранило необходимость спорить на эту тему. С другой стороны, успехи в текстологии Правды сделали очевидным, что подавляющее большинство списков дают однозначно интерпретируемое чтение типа «смердѣи холоп», и лишь один или два – столь же однозначное «смердѣ и холоп» [Любимов, 1941, с. 80]. При этом двусмысленные чтения оказались отличительной чертой списков КрП, то есть проблема угнездилась в самом корне древнерусского законодательства, а не в его позднейших отроостках, что было бы менее критично. Необходимость разрешить все сомнения по этому пункту стала принципиальной. Для наглядности сведем в таблицу все чтения из всех списков КрП и ПрП, опубликованных в академическом издании.

Чтения по КрП и ПрП

Написание	Списки	Количество списков	Редакция Правды
за смердихолоп(ъ)	Синод.-Троицк. гр. без Прилуцкого сп. + Музейского 2 сп.	15	ПрП
за смердыхолоп	Карамз. гр. без Оболенск., Музейск. и Бальзер. сп. + Прилуцк. сп.	5	ПрП
въ смердѣвихолопѣ	Археогр.	1	КрП
за смердеихолоп	Бальзеровск.	1	ПрП
въ смердѣивѣхопѣ	Акад.	1	КрП
за смердихолоп	Оболенск. 2	1	ПрП
Пропущено	Пушк. гр. + Толст	6	ПрП

В ходе подготовки академического издания Правды коллектив авторов признал, что правильной передачей текста для КрП является «а в смерде и в холопе 5 гривен», а для ПрП – «а за смердии холоп 5 гривен» [Правда русская, с. 399, 408]. В 1941 г. вышла статья В. П. Любимова, обосновывавшая категорический вывод, что исходным является чтение КрП Акад. «авъсмердѣивѣхолопе» и что оно означает двух лиц, смерда и холопа. Все остальные чтения объявлялись испорченными, а смысл *смердий холоп* (то есть холоп смерда) – ошибочным, случайным и неактуальным ни для эпохи КрП, ни для времен ПрП [Любимов, 1941]. Одновременно М. Н. Тихомиров также писал, что для КрП единственным правильным чтением является КрП Акад., а «смердий холоп» возник в ПрП в ходе редактирования КрП. Тем не менее, ученый внес в историографию нечто совершенно новое. Он заявил, что выражением «смердий холоп» в ПрП обозначен не «какой-то холоп, принадлежавший смерду», а «холоп, работавший на пашне, *подобно* смерду» [Тихомиров, 1941, с. 201; Тихомиров, 1953, с. 81–82]. Таким образом, отпала необходимость в изощренных аргументах В. П. Любимова, призванных объяснить, каким образом смерд-холоповладелец мог возникнуть и длительно существовать под пером переписчиков ПрП в эпоху, когда «такой факт, чтобы смерд имел раба, не мог иметь места» [Любимов, 1941, с. 83]. Интерпретация М. Н. Тихомирова означала, что все списки ПрП, где фигурирует одно лицо, смерд-холоп (а не два лица, смерд и холоп), в данном отношении были вполне актуальны для своего времени.

В статье А. А. Горского чтение КрП Акад. по-прежнему признается исходным и единственно правильным, однако смысл его радикально пересматривается. Автор полагает, что в традиционный анализ состава словосочетания КрП Акад. «а въ смерде и въ холопе 5 гривен» вкралась

ошибка. И здесь не союз, а уточняющая частица со смыслом *который*, то есть данное выражение надо понимать как *а в смерде, который холоп*. Иными словами, согласно А. А. Горскому, в КрП Акад. фигурирует холоп, работающий на пашне подобно смерду. А ведь это, заметим, то же самое явление, что «смердий холоп» ПрП в интерпретации М. Н. Тихомирова. А. А. Горский, однако, отказывается поставить под вопрос «доказанную после выхода работы В. П. Любимова» большую точность чтения КрП Акад. по сравнению с чтением КрП Археогр., хотя последнее выглядит как «авъсмердѣивхолопе» и дает возможность истолкования *смердий холоп* [Горский, 2016b, с. 95, прим. 3].

В результате конструкция головоломки достигает совершенства. Чтобы убедиться в этом, еще раз разберем ее на составные части. Итак, правильным для КрП считается чтение Акад. «авъсмердѣивхолопе», но понимать его следует не как «в смерде и в холопе», а как «в смердѣм холопе», то есть именно так, как написано в «испорченном» чтении КрП Археогр. «авъсмердѣивхолопе». При такой трактовке (как со всей логикой замечает сам А. А. Горский), *исчезают смысловые противоречия* между КрП и ПрП: и там, и там говорится о смерде-холопе [Там же, с. 101]. Но если так, если смысл обеих редакций един, то разве не страдает от этого репутация наилучшего чтения КрП Акад.? И не теряет ли толику своей убедительности традиционное мнение о происхождении данной нормы ПрП из КрП, а не наоборот?

В. П. Любимов доказывал, что преобразование шло в направлении КрП Акад. → КрП Археогр. → ПрП Син.: «въ смердѣи/еи/ѣи въ холопѣ» (КрП), и далее «за смердии холоп» (ПрП Син.). Представляется, однако, что лингвистическая аргументация ученого в данном отдельно взятом пункте работает и в обратном направлении:

Самая конструкция этой фразы в Археографическом списке – «а въ смердѣи в холопе» – указывает на более позднее происхождение такого чтения. В этом чтении имеется лишний предлог *в*. Здесь следовало бы ожидать «в смердѣи холопѣ». По крайней мере, мы имеем такое написание без второго предлога *в* в других подобных случаях в этом списке: «а въ ездвомѣ княже»; «а во княжи тивуне»; «а в рядовнице княжи». Второй же предлог *в* мы встречаем только там, где речь идет о нескольких предметах: «а в сельскомѣ старостѣ княжи и в ратаинѣмѣ»; «а въ огнищанинѣ и в тиунѣцѣ и в мечницѣ»... Следует думать, что и в данном месте ввиду наличия двух предлогов *в* речь шла о двух предметах, т. е. о смерде и холопе, и что чтение «въ смердѣи в холопѣ» получилось уже потом в результате порчи текста. <...> Это могло произойти в результате замены букв, с чем мы встречаемся в древнейших рукописях. В этом отношении имеют значение наблюдения над древнейшим пространным списком – Синодальным. В нем наблюдается, с одной стороны, смешение буквы *ѣ* с *е*... а, с другой – замена буквы *е* буквой *ѣ*... Имея в виду, что в рукописях текст написан слитно, т. е. слова не разделены, возможны были такие изменения: «авъсмердѣивхолопѣ5гривень» –

«авъсмердеивхолопѣ5гривенъ» – «авъсмердѣивхолопѣ5гривенъ»... С другой стороны, изменение могло произойти и в результате особенностей новгородского говора, в котором имеется смешение звуков, выражаемых буквами «и» – «ѣ» или наоборот, что очень заметно в Археографическом списке [Любимов, 1941, с. 69].

Как видим, даже оставаясь в рамках аргументации В. П. Любимова, можно предположить, что новгородский писец НПЛмл прочел в ПрП Син. «азасмерди~~и~~холоп5гривенъ» и превратил это в «авъсмердѣивѣхолопѣ5гривенъ». Замена *и* на *ѣ* при этом была банальной. А вот решение заменить начальный предлог *за* на *в* (по примеру «в княжи отроци» и др.) повлекло за собой появление второго предлога *в* по аналогии с выражениями типа «а в голуби и в куряти». Изначальный «смердий холоп» раннего списка ПрП превратился в «смерда и холопа» КрП. Большинство позднейших переписчиков ПрП сохранили «смердѣго холопа», читавшегося в наиболее авторитетных рукописях, но поскольку они стали понимать это словосочетание не в его древнем смысле *холопа, работающего на пашне как смерд*, а как *холопа, принадлежащего смерду*, что не вязалось с общим контекстом данного фрагмента Правды и общими представлениями эпохи, некоторые из редакторов предпочитали пропустить это сомнительное словосочетание. Такая интерпретация отнюдь не является насилием над мнением почтеннейшего ученого, ибо он сам дал на него согласие и даже пригласил позднейших исследователей к экспериментированию с опубликованной им классификацией списков Правды:

Классификация наша выражает господствующий взгляд о том, что краткая Правда в своем образовании предшествовала пространной Правде. Но предлагаемая схема классификации предоставляет возможность изучения памятника, если бы исследователь пришел и к заключению о приоритете пространной Правды. В этом последнем плане изучения надо только переставить разряды 1 и 2, поставив разряд 2, то есть пространные списки, на первое место [Правда русская, с. 30, прим. 2].

Заключение. Опасная книга

Отсутствие развернутой дискуссии вокруг книги А. П. Толочко достойно сожаления, однако не может казаться удивительным. Несмотря на то, что автор опирается на почтенную историографическую традицию, восходящую к В. О. Ключевскому и поддержанную в первой половине XX в. столь авторитетными специалистами, как Е. Ф. Карский, С. П. Обнорский, А. И. Соболевский, его теория настолько оригинальна и настолько противоречит устоявшемуся взгляду на КрП, что для обоснованного отзыва – будь то согласие или возражение – необходимо проделать большую работу. Многогранность и изощренность аргументации автора исключают возможность *скорого суда*. Тем более,

что ставки в этом споре представляются некоторым крайне высокими. По-видимому, А. И. Филюшкин выражает мнение многих, когда пишет, что принятие концепции А. П. Толочко приведет к катастрофе:

...Все, что писали о социально-экономическом и правовом облике Древней Руси до XII в., окажется не имеющим под собой никаких источников оснований. Мы просто лишимся той Киевской Руси, которую всегда знали, учили по учебникам, по работам классиков отечественной исторической науки. <...> Гипотетическое изъятие Правды русской из древнерусской истории фактически поставит на ней крест [Филюшкин, с. 91–92].

Совершенно очевидно, что склонность ставить вопрос таким образом сама по себе явилась одной из причин, затормозивших развитие дискуссии вокруг монографии А. П. Толочко. Однако уважаемый коллега напрасно, кажется, пугает нас. Во-первых, довольно трудно поверить, что среди сегодняшних профессиональных исследователей Древней Руси есть такие, кто сохранили неизменное представление об этом предмете со школьной скамьи. Во-вторых, смена историографических школ в течение XIX – начала XXI в. приучила нас не к стабильности, а именно к изменчивости прошлого. И, наконец, в-третьих, даже если КрП действительно является историко-литературным произведением летописца XV в., а не древнейшим юридическим кодексом Восточной Европы, классические труды отечественной исторической науки ни на йоту не потеряют своей важности в глазах тех, кто ценит их не только за установленные в них факты, но и прежде всего за пример неустанного поиска истины, подаваемый нам их авторами.

Из настоящего обзора литературы становится очевидно, что до тех пор, пока компетентные специалисты будут ограничиваться частными наблюдениями и не возьмут на себя труд (который, вероятно, должен быть коллективным) подвергнуть все части теории А. П. Толочко систематическому рассмотрению (можно даже сказать, системному анализу), чаша весов еще долго будет крениться то в одну, то в другую сторону по милости «коровьей татьбы», «говяда», «огнищан», «смердых холопов» и других экзотических обитателей «затерянного мира» Правды русской.

В свое время Л. В. Милов указывал на необходимость дополнить традиционное изолированное изучение важнейших юридических памятников всесторонним исследованием сборников, в составе которых они сохранились. Теория А. П. Толочко во многом обязана своим рождением именно такому подходу. В последние годы этот метод получил, кажется, свои окончательные *lettres de noblesse*. В частности, были подвергнуты комплексному изучению два типа сборников, в составе которых дошли до нашего времени списки ПрП, – Кормчая книга и Мерило праведное [Корогодина; Вершинин, 2019]. Авторы этих фундаментальных работ не занимались специальным изучением Правды русской, однако в их исследованиях можно разглядеть, как

кажется, интересный задел на будущее. Известная народная мудрость утверждает, что клин клином вышибают. Может быть, путь к решению поставленной А. П. Толочко проблемы КрП лежит через серьезное изучение гипотезы К. Цукермана (развившего идею Л. В. Милова) о том, что ПрП, вопреки привычному мнению, была создана специально для Кормчей русской редакции или для Мерила праведного в 1280-х гг. [Цукерман, с. 137–142]? Эта идея, кажется, привлекает молодых специалистов [Вершинин, 2016, с. 129, прим. 116]. Будем надеяться, что незаслуженно холодный прием, оказанный монографии А. П. Толочко, не остудит их исследовательского энтузиазма.

Список литературы

- Вершинин К. В.* Мерило праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Ист. вестн. Т. 17. 2016. С. 100–135.
- Вершинин К. В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М. : СПб. : Нестор-История, 2019. 296 с.
- Горский А. А.* Нормы Русской правды и судебная практика: Янь Вышатиц на Белозере // Ист. вестн. Т. 17. 2016а. С. 54–99.
- Горский А. А.* «Смерд и холоп?» : Об одной загадке Русской правды // Средневековая Русь. Т. 12. 2016б. С. 95–102.
- Десятьев А. Я.* Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : альманах. Вып. 5. 2016. С. 116–127.
- Десятьев А. Я.* Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 42–60.
- Зимин А. А.* Правда русская. М. : Древлехранилище, 1999. 421 с.
- Канаев А. В.* Кредитные отношения в Древней Руси в свете Краткой Русской правды // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 106–124.
- Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века : в 2 т. СПб. : Альянс-Архео, 2017. 600 + 648 с.
- Лукин П. В.* Деконструкция деконструкции : (О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча) // *Scrinium : Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2008. № 4. С. 403–434.
- Лукин П. В.* Коровья татьба в Правде русской // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости» : Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина : сб. ст. М. : Индрик, 2014. С. 123–131.
- Любимов В. П.* Смерд и холоп // Ист. зап. 1941. № 10. С. 66–83.
- Омонов Н. Н.* К вопросу о начальной истории русского права // Ист. вестн. Т. 6. 2013. С. 238–254.
- Петрухин В. Я.* Русская правда Краткой редакции: к истории рождения // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 34–41.
- ПВЛ – Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1996. 667 с.
- Правда русская / под ред. В. П. Любимова, Н. Ф. Лаврова, М. Н. Тихомирова и др. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Т. 1. Тексты. 506 с.
- Тихомиров Н. Н.* [М. Н.]. Исследование о Русской правде : Происхождение текстов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 254 с.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской правды. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 192 с.

Толочко А. П. Краткая редакция Правды русской : Происхождение текста. Киев : Ин-т истории Украины НАН Украины, 2009. 136 с.

Толочко А. П. Пропавшая грамота // *Ruthenica*. Т. 12. 2014. С. 157–168.

Томсинов В. А. Сколько лет Русской правде? К вопросу о так называемом тысячелетнем юбилее Русской правды // Законодательство. 2017. № 1. С. 88–94.

Филлюшкин А. И. Символическое значение Правды русской в отечественной истории // Тысячелетие Правды русской : История и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права : сб. науч. тр. / под ред. Т. Е. Новицкой. СПб. : Президент. б-ка, 2017. С. 82–92.

Цукерман К. О Правде русской // *Ruthenica*. Т. 12. 2014. С. 108–156.

Цыб С. В. Хронологические замечания к книге Алексея Толочко о Краткой редакции Русской правды // *Palaeoslavica*. Т. 19. 2011. № 1. С. 256–270.

References

Adrianova-Peretts, V. P. (Ed.). (1996). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St Petersburg, Nauka. 667 p.

Degtyarev, A. Ya. (2016). Russkaya pravda kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On the Origins]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Al'manakh*. Iss. 5, pp. 116–127.

Degtyarev, A. Ya. (2017). Russkaya pravda kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On the Origins]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tysyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 42–60.

Filyushkin, A. I. (2017). Simvolicheskoe znachenie Pravdy russkoi v otechestvennoi istorii [The Symbolic Importance of the *Pravda Russkaia* in Russian History]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tysyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 82–92.

Gorskii, A. A. (2016a). Normy Russkoi pravdy i sudebnaya praktika: Yan' Vyshatich na Beloozere [Norms of the *Pravda Russkaia* and Litigation: Yan Vyshatich on Beloozero]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 17, pp. 54–99.

Gorskii, A. A. (2016b). “Smerd i kholop?” Ob odnoi zagadke Russkoi pravdy [“Smerd i Kholop”? About One Mystery of the *Pravda Russkaia*]. In *Srednevekovaya Rus'*. Vol. 12, pp. 95–102.

Kanaev, A. V. (2017). Kreditnye otnosheniya v Drevnei Rusi v svete Kratkoi Russkoi pravdy [Credit Relations in Old Rus' in the Light of *The Short Pravda Russkaia*]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tysyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 106–124.

Korogodina, M. V. (2017). *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka v 2 t.* [Kormchaya Books in the 14th – First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 600 + 648 p.

Lukin, P. V. (2008). Dekonstruksiya dekonstruktsii (O knige T. L. Vilkul po istorii drevnerusskogo vecha) [The Deconstruction of Deconstruction (About the Book by T. L. Vilkul on the History of the Old Russian Veche)]. In *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. No. 4, pp. 403–434.

Lukin, P. V. (2014). Korov'ya tat'ba v Pravde russkoi [Korov'ya Tat'ba in the *Pravda Russkaia*]. In “Po lyubvi, v” pravdu, bezo vsyakiye khitrosti”. *Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Sbornik statei*. Moscow, Indrik, pp. 123–131.

Lyubimov, V. P. (1941). Smerd i kholop [A Smerd and a Kholop]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 10, pp. 66–83.

Lyubimov, V. P., Lavrov, N. F., Tikhomirov, M. N. et al. (Eds.). (1940). *Pravda russkaya* [The *Pravda Russkaia*], Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. Teksty. 506 p.

Omonov, N. N. (2013). K voprosu o nachal'noi istorii russkogo prava [On the Question of the Initial History of Russian Law]. In *Istoricheskii vestnik*. No. 6, pp. 238–254.

Petrukhin, V. Ya. (2017). Russkaya pravda Kratkoi redaktsii: k istorii rozhdeniya [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On Origins]. In Novitskaya, T. E. (Ed.). *Tsyacheletie Pravdy russkoi: Istoriya i perspektivy izucheniya drevneishego pamyatnika otechestvennogo prava. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, pp. 34–41.

Tikhomirov, N. N. [M. N.]. (1941). *Issledovanie o Russkoi pravde. Proiskhozhdenie tekstov* [The *Pravda Russkaia*. A Study. The Origin of the Texts]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 254 p.

Tikhomirov, M. N. (1953). *Posobie dlya izucheniya Russkoi pravdy* [Manual for the Study of the *Pravda Russkaia*]. 2nd Ed. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 192 p.

Tolochko, A. P. (2009). *Kratkaya redaktsiya Pravdy ruskoi. Proiskhozhdenie teksta* [The Short Version of the *Pravda Russkaia*: On Origins. Origin of Text]. Kiev, Institut istorii Ukrainy Natsional'noi akademii nauk Ukrainy. 136 p.

Tolochko, A. P. (2014). Propavshaya gramota [A Lost Charter]. In *Ruthenica*. Vol. 12, pp. 157–168.

Tomsinov, V. A. (2017). Skol'ko let Russkoi pravde? K voprosu o tak nazyvaemom tysyacheletnem yubilee Russkoi pravdy [How Old is the *Pravda Russkaia*? The So-Called “Thousand-Year Anniversary” of the *Pravda Russkaia*]. In *Zakonodatel'stvo*. No. 1, pp. 88–94.

Tsyb, S. V. (2011). Khronologicheskie zamechaniya k knige Aleksey Tolochko o Kratkoi redaktsii Russkoi pravdy [Chronological Remarks on the Book by Alexey Tolochko about the Short Version of the *Pravda Russkaia*]. In *Palaeoslavica*. Vol. 19. No. 1, pp. 256–270.

Vershinin, K. V. (2016). Merilo pravednoe i osobennosti retseptsii vizantiiskogo prava na Rusi [The Godly Measure and the Peculiarities of the Reception of Byzantine Law in Russia]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 17, pp. 100–135.

Vershinin, K. V. (2019). *Merilo pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava* [The Godly Measure in the History of Literature and Law of Old Rus']. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 296 p.

Zimin, A. A. (1999). *Pravda russkaya* [The *Pravda Russkaia*]. Moscow, Drevlekhranilishche. 421 p.

Zukerman, K. (2014). O Pravde ruskoi [On the *Pravda Russkaia*]. In *Ruthenica*. Vol. 12, pp. 108–156.

The article was submitted on 29.11.2020